

Ожидание

Как все же жестока жизнь! Поманит радостью, счастьем, поднимет на крыльях и сразу бросит вниз, чтоб не забывала, что все радостное преходяще, а страх, беспокойство, боль вечны...

Только что радовалась рождению сына, тому, что любимый назвал Хасеки — милой сердцу, близкой, тому, что Мехмед хоть и слабенький, но за жизнь цепляется, значит, жить будет. И Сулейман возвращался...

И вдруг беда — Мехмеда у нее забрали, негоже, мол, самой грудью кормить, обвиснет грудь. Валиде проще объяснила:

— Хочешь сама кормить — Повелителя тебе не видеть, твоя грудь немедленно вытянется, как уши старой собаки.

Никто из кадин детей не кормит, даже Повелителя кормила специальная женщина.

Все бы ничего, кормилицу нашли хорошую, да не одну, а целых трех привели, но Мехмед ни у одной грудь не взял! Плакал, криком исходил, но не сосал.

Роксолана умоляла дать ребенка ей, но повитуха твердила, что ребенок от ее молока и заболел, а потому мальчика нужно отдать кормилице.

Несчастливая юная женщина не находила себе места, казалось, она сквозь стены слышала, как плачет ее маленький сын. У самой Роксоланы грудь готова лопнуть от молока, а ее ребенок голодает! Зейнаб, посоветовавшись с Фатимой, предложила выход:

— Хуррем. Давай-ка покажу, как грудь от молока освободить.

— Зачем?!

— Чтобы она не начала болеть.

— Нет! — Роксолана прикрыла грудь руками. — Молоко пригодится Мехмеду.

— Пригодится, да только тебе сына не дадут. Давай лучше сцедим и в бутылочке кормилице передадим. Пусть хоть так попит.

— А можно?

— Делай, как покажу.

Зейнаб действительно научила Роксолану сцеживать молоко в сосуд, потом его переливали в меньший и тайно под одеждой несли кормилице Мехмеда. Та качала головой:

— У госпожи столько молока, что сама могла бы быть кормилицей.

В материнском молоке смачивали кусочек мягкой ткани и давали сосать малышу. Тот замолкал...

Но все равно этого было мало, разве накормишь голодного ребенка вместо груди таким образом? Служанки боялись, что кто-то узнает, выболтает валиде или, хуже того, Махидевран. Сам

крошечный Мехмед цеплялся за жизнь, но слабел с каждым днем.

Роксолана ждала возвращения Сулеймана из похода, словно манну небесную, и вместе с тем боялась. Возвращаться в Стамбул было опасно...

В 927 году хиджры (1521 г.) в Стамбуле не просто нежеланная, а ненавистная гостья, которая незваной приходит часто, — чума. Она почти каждый год собирает страшную дань. Оттоманы относятся к ней как к божьей каре, а потому не противятся.

Черное проклятье не миновало и дворец. И дань на сей раз была самой страшной — не стариков, не больных и слабых, не красавиц наложниц или изуродованных евнухов забрала чума, а султанских детей. Погибли сыновья Сулеймана. Фюлане, матери старшего из умерших принцев Махмуда, уже давно не было в живых, а вот мать Мурада Гульфем волосы на себе рвала, и не только от тоски по сыну, еще и потому, что становилась в гареме никем, со смертью сына обрывалась последняя нить, связывающая ее с Сулейманом.

Остался один Мустафа, сын Махидевран. После гибели братьев он единственный шехзаде, а его мать Махидевран мать единственного наследника. Баш-кадина вернулась во дворец, возразить никто не посмел. Валиде сразу почувствовала эту перемену, теперь Махидевран не так-то просто привести в чувство, она, словно застоявшийся конь, почувствовавший близость скачки, была напряжена и готова ринуться в бой.

Насидевшись в одиночестве в Старом дворце, Махидевран готова собственными руками задушить любого, кто встанет поперек дороги. Она притворно сочувствовала убитой горем Гульфем и плачущей о внуках Хафсе и при этом старательно прятала глаза, чтобы не заметили довольный блеск. Будущая валиде! Теперь никто не помешает. Даже если у десятка наложниц родится по сыну, ее Мустафа все равно старший, он будущий султан, а значит, она сама валиде!

Махидевран вернула себе положение башкадины, ходила по гарему почти хозяйкой, горделиво поглядывая на остальных и примечая, насколько низко наложницы и евнухи опускают головы. Хафсе почти не кланялась, только склоняла голову, как перед старшей женщиной. В каждом ее взгляде сквозило ожидание: скоро, совсем скоро она станет главной женщиной! Сулейман и без того любил Мустафу больше остальных сыновей, а теперь, когда тот остался единственным, вообще будет беречь и лелеять.

Сам шестилетний Мустафа горько плакал по умершим братьям, особенно по Махмуду, который был на три года старше и казался мальчику совсем взрослым. Да и маленького забавного двухлетнего Мурадика Мустафа тоже очень любил. Он понял, что что-то изменилось со смертью братьев, знал, что именно, но еще не сознавал этого до конца. Единственный... Для ребенка в шесть лет это еще означает просто своеобразное сиротство, он не понимал, почему у матери блестят глаза, когда она произносит это — «единственный наследник».

Пройдет совсем немного времени, и Мустафа осознает, что значит быть главным шехзаде. Единственным он был совсем недолго. 27 дня в месяце зуль-каада 927 года хиджры (29 октября 1521 г.) султан Сулейман объявил наследником и только что родившегося Мехмеда — сына Хуррем.

И снова Махидевран хлестала по щекам служанок за малейшие провинности или вообще без них, снова скрипела зубами. Ее триумф матери наследника испортила эта проклятая Хуррем, родившая щенка! Конечно, сама Махидевран была баш-кадиной, но сердце чувствовало, что рождение Мехмеда многое изменит. А когда от султана привезли написанный золотыми чернилами на лучшей бумаге фирман, в котором повелевалось называть шехзаде Мустафу и Мехмеда, а Хуррем Хасеки, несчастная Махидевран не могла даже порадоваться за сына, потому что Сулейман невиданно возвысил рабыню и ее ребенка. Это испортило радость от сознания, что Мустафа назван первым наследником.

Умом Махидевран понимала, что так и должно быть — два старших сына (а у Сулеймана просто не было других) становятся шехзаде, но то, что не ее, мать первого наследника, а Хуррем султан назвал «дорогой сердцу», приводило несчастную женщину в бешенство, не давало спать ночами, заставляло болеть сердце...

Валиде прекрасно понимала состояние невестки, сочувствовала той, а еще словно чувствовала

свою вину, ведь именно она привела в гарем Хуррем. Но кто же мог знать, что эта худышка умудрится так надолго захватить сердце султана.

— Махидевран, успокой свое сердце. Назвать Хасеки — это еще ничего не значит. Ты мать наследника, сын Хуррем младший, и еще неизвестно, выживет ли.

— А что такое? — почти оживилась Махидевран, даже глаза заблестели.

Хафса поморщилась. Как бы то ни было, маленький Мехмед тоже ее внук, как и те, что умерли, как и Мустафа. Конечно, Мустафа красивый, умный мальчик, он будет прекрасным султаном в будущем, Аллах велик, он знал, кого из сыновей оставить в живых. И если не выживет маленький Мехмед, который не берет грудь кормилицы и все время плачет, такова воля Аллаха, не ей противиться.

И все же валиде не нравилось оживление Махидевран. Весь гарем заметил радость баш-кадины из-за смерти Махмуда, старшего сына султана, как ни старалась Махидевран спрятать свою радость, та сквозила в каждом взгляде. Хафса больше всего боялась, чтобы этот блеск в глазах не заметил Сулейман, тогда и Старым дворцом не обойдется, Махидевран прямой путь в кожаном мешке в воды Босфора, хотя Сулейман тоже больше любил Мустафу, чем своего первенца Махмуда.

Валиде вспоминала, как совсем юный отец (сколько было самому Сулейману, когда родился первенец, лет шестнадцать?) гордился сыном, ходил важным, точно павлин, только что хвост не

распуская при каждой возможности. А вот родился и чуть подрос Мустафа, и отцовская любовь была отдана ему. Может, этого боится Махидевран, того, что маленький Мехмед отнимет у Мустафы хотя бы часть отцовской любви?

Но нельзя, чтобы наследник был один, хорошо, что у Хуррем сын родился, сыновей должно быть много... на всякий случай...

От мысли о том, что именно ждет всех этих сыновей, кроме того, который станет следующим султаном, Хафса даже вздрогнула.

Прадед нынешнего падишаха Мехмед Фатих (Завоеватель), тот, что расширил границы османов и завоевал вожделенный Константинополь, перенесся туда столицу и назвав город Стамбулом, узаконил страшный обычай братоубийства, используя изречение из Корана: «Безурядица пагубней убийства». О своем собственном семействе он выразился определенной:

— Лучше потерять принца, чем провинцию.

Жестокий закон, введенный Мехмедом, повелевал следующим правителям уничтожать всех родственников, могущих претендовать на престол кроме нового султана.

Первым, применившим этот закон, по иронии судьбы был сын Мехмеда, самый мирный из последующих султанов — Баязид. Баязид очень не любил воевать, он любил литературу, искусство и предпочел бы провести свой век в садах прекрасного дворца. Тем не менее не дрогнул, объявив своему брату Джему:

— Нет дружбы между царями.

Все же Баязид позволил Джему бежать сначала на Родос, а потом к папе римскому и долгое время платил европейским правителям за пребывание у них Джема на условиях почетного пленника с условием уничтожения в случае попытки бегства или опасности освобождения.

Последние годы тот жил у папы римского Александра (Родриго Борджиа), но когда разразилась война с французами, несчастного Джема нашли-таки способ устранить. Папа римский лишился важной статьи дохода, но поделаться ничего не мог. Принц Джем умер то ли от яда, то ли от простой дизентерии.

Баязид не дрогнул и тогда, когда пришлось казнить двоих собственных сыновей. Два других давно умерли от болезней, еще один от пьянства. Но что делать с оставшимися тремя — Ахмедом, Коркудом и Селимом, султан просто не знал, вернее, ничего поделаться не мог, да и невозможно отстаивать свою власть, сидя на шелковых подушках гарема вместо седла. Каждый из трех оставшихся в живых сыновей прекрасно понимал, что его ждет в случае прихода к власти брата, и каждый был готов принести братьев в жертву.

Братоубийственная война, столь осуждаемая другими народами, была для османов не столь уж страшна. И дело не только в разброде и возможности развала империи из-за борьбы за власть, дело еще и в том, что сыновья были рождены разными матерями, каждая из которых поддерживала стремление своего сына стать следующим

султаном, потому что получала права главной женщины гарема. Султаны справедливо полагали, что жен у мужчины может быть целых четыре, наложниц сотни, а вот мать только одна, и потому именно матери доверяли управление огромным хозяйством, называемым гаремом.

Но чтобы стать первой женщиной гарема — валиде-султан, нужно привести к власти сына, прекрасно сознавая, что в случае неудачи участь будет незавидной...

Что стоили жизни чужих сыновей для женщин, у которых выбор был невелик — статус валиде-султан в случае прихода сына к власти, прозябание в Старом дворце, куда ссылали ненужных женщин, или в худшем случае кожаный мешок и воды Босфора. Можно ли их осуждать за то, что выбрали первое? А неизбежные жертвы в виде соперников и их детей новых валиде волновали мало, ведь это были чужие дети и внуки. И даже когда султан уничтожал собственных сыновей, его мать волновалась мало, внуки всегда оставались еще. Сами внуки тоже мало считались бы с бабушкой...

Зато империя оставалась целой и продолжала расширять свои границы. А принцы?.. Мехмед Фатих знал, какой закон утверждать.

К тому же одной наложнице полагался всего один сын, это дочерей могло быть сколько угодно. Султаны уже перестали жениться, предпочитая не иметь законных жен, а в гареме держать наложниц. Так проще, наложницу за любую провинность можно отправить в кожаном мешке в Босфор, а за жену придется объясняться с ее родственниками.

Наложницы, родившие султану детей, становились кадинами — не венчанными женами. Мать старшего из них была баш-кадиной и будущей валиде.

Пока наследник мал, султан мог быть спокоен, но как только шехзаде становился достаточно взрослым, чтобы меч Османов, которым опоясывали нового султана в знак восхождения на трон, не волочился за шехзаде по полу, наследник и его мать становились по-настоящему опасны для правящего султана. Пусть не они сами, но стоящие за ними силы вполне могли решить, что пришел их черед править.

К тому времени, когда очередной шехзаде становился султаном, его старшие сыновья уже крепко сидели в седле. Принимая меч Османов, обычно уже очень взрослый султан вполне мог опасаться мятежа со стороны сыновей.

Хотя правила султаны все равно подолгу — Мехмед II тридцать лет, Баязид тридцать один год.

Три оставшихся в живых сына султана Баязида не стали ждать, когда их отец отойдет в мир иной добровольно, они сцепились за власть уже при его жизни. Сам отец больше тяготел к старшему — Ахмеду, двое других братьев — Коркуд и Селим — были с этим не согласны.

Селим поднимал мятеж против отца дважды и вынужден был даже бежать от отцовского гнева в Крым. Довольно долгое время до того Селим управлял Трапезундом, потом балканскими провинциями Османской империи, был силен, опы-

тен и жаждал власти. После первого мятежа, когда небольшое войско Селима было наголову разбито огромным войском Баязида, Селим кое-что понял: дело не только в желании взять власть, не только в мощи собранной армии и поддержке тестя — крымского хана Менгли-Гирея, на дочери которого Айше Хафсе был женат Селим, но и в поддержке янычар, то есть тех, кто составляет основную силу собственно султана. Султан тот, кого поддерживают янычары.

Кто подсказал Селиму важность подкупа и обещаний янычарам, неизвестно, но буйное войско и впрямь поддержало именно этого сына Баязида, когда тот предпринял новую попытку захвата власти в 918 году хиджры. В таком случае собирать войско было бесполезно, Баязид прекрасно осознал положение дел и добровольно отрекся от престола в пользу Селима.

Это было невиданно, никогда прежде султан не отказывался от власти сам, к тому же не объявлял об этом вот так: с балкона криком на всю площадь, где собрались янычары. Седьмой день месяца сафар 918 года хиджры (24 апреля 1512 г.) стал триумфом Селима, который, опоясавшись мечом Османа, стал девятым султаном Османов и третьим правителем османского Стамбула.

Но меч Османа это еще не все, султан Селим прекрасно понимал, что пока жив отец и братья, покоя не будет. Сознавал ли Баязид, что сын, с которым он не виделся больше четверти века, предпочтет не иметь столь опасных родственников? Наверное, и все же он попросил разреше-